

«ПОСТЧЕЛОВЕК КАК ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТ: АНТРОПОЛОГИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА»

Насруллаева Мохигуль Сухробовна

nasrullayeva84@list.ru

Университет Зармед

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20389451>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 22-may 2026 yil

Ma'qullandi: 24-may 2026 yil

Nashr qilindi: 26-may 2026 yil

KEYWORDS

постгуманизм, трансгуманизм,
постмодернизм, философская
антропология,
морфологическая свобода,
идентичность, этика
технологий, деконструкция,
конвергентные технологии,
субъектность.

ABSTRACT

В данной статье исследуются антропологические основания трансгуманизма через призму постмодернистской философии. Основное внимание уделяется критическому переосмыслению человеческой природы в эпоху конвергентных технологий, а также рассмотрению постчеловека как гибридного конструкта, возникающего на пересечении биотехнологического прогресса и философской деконструкции. Опираясь на идеи Розы Брайдотти, Н. Кэтрин Хейлз и Жана-Франсуа Лиотара, исследование анализирует переход от эссенциалистских представлений о человеческой идентичности к гибким и технологизированным моделям субъектности. Особое внимание уделяется этическим и социокультурным рискам, связанным с морфологической свободой, когнитивным усовершенствованием и размыванием традиционных представлений о достоинстве и автономии. В статье используется сравнительный анализ постструктуралистского и трансгуманистического дискурсов для выявления противоречий и потенциала постчеловеческого проекта

Возникновение трансгуманизма как философской ориентации и культурного феномена свидетельствует о глубоком изменении способов концептуализации человеческой природы, идентичности и потенциала в XXI веке. Основанный на возможностях конвергентных технологий — таких как нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивная наука (NBIC), — трансгуманизм выступает за расширение человеческих возможностей за пределы их биологических ограничений. Одновременно постмодернистская философия подвергает критике эссенциалистские предпосылки, заложенные в гуманизме эпохи Просвещения, предлагая критическую рамку, в пределах которой сама категория «человека» дестабилизируется и переосмысливается.

Данная статья исследует антропологические последствия трансгуманизма через призму постгуманистической критики, рассматривая постчеловека не просто как технологический конструкт или футуристическую абстракцию, а как дискурсивную фигуру, расположенную на пересечении философской деконструкции и технонаучных инноваций. Опираясь на теоретические положения Розы Брайдотти, Н. Кэтрин Хейлз и Жана-Франсуа Лиотара, исследование рассматривает, каким образом трансгуманистические стремления к оптимизации и совершенствованию человеческого состояния взаимодействуют с постструктуралистскими попытками децентрации и фрагментации человеческого субъекта.

Вместо противопоставления этих двух позиций как бинарных оппозиций статья демонстрирует, что и постгуманизм, и трансгуманизм участвуют в реконфигурации антропологических моделей, хотя существенно расходятся в своих онтологических, этических и эпистемологических основаниях. Если один стремится преодолеть человека посредством философического разрыва, то другой ориентирован на его расширение посредством технологической непрерывности.

Постчеловеческое состояние возникает на пересечении философской критики и технологической эволюции. Как дискурсивное образование и онтологический сдвиг, постчеловек бросает вызов классическим антропологическим представлениям о человеческой сущности, автономии и воплощённости. Трансгуманизм, хотя зачастую основывается на рационализме эпохи Просвещения и технооптимизме, разделяет с постгуманистической мыслью стремление преодолеть заданные пределы человеческого существования, хотя и в рамках принципиально иных эпистемологических и этических оснований.

Философская основа постгуманизма заключается в его критическом дистанцировании от классического гуманизма, который исторически помещал автономного, рационального и универсального субъекта в центр всех вещей. Гуманизм эпохи Просвещения, несмотря на его значительную роль в формировании либерально-демократических идеалов, всё чаще рассматривается постструктуралистскими мыслителями как эпистемологически ограниченный и идеологически насыщенный антропоцентрическими, эссенциалистскими и исключаящими предпосылками.

Жан-Франсуа Лиотар в работе *The Postmodern Condition* (1984) поставил под сомнение легитимность «больших нарративов», лежавших в основе проекта Просвещения, среди которых были нарративы человеческого прогресса, разума и господства¹. Отвергая метанарративы как инструменты эпистемического контроля, Лиотар инициировал более широкий философский поворот к фрагментации, плюрализму и контингентности. Эти интеллектуальные изменения создали условия для переопределения субъектности, которая более не основывается на фиксированных категориях, таких как «человек», «разум» или «природа».

Развивая эти идеи, такие постгуманистические исследователи, как Н. Кэтрин Хейлз, утверждают, что постчеловеческий субъект возникает вследствие разрушения границ между человеком и технологией. В работе *How We Became Posthuman* (1999)

¹ Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. — Reprint ed. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. — 110 p. — (Theory and History of Literature; vol. 10). — ISBN 0-8166-1173-4.

Хейлз рассматривает постчеловека не как буквального робота или киборга, а как информационную сущность, основанную на паттернах — «воплощённую виртуальность», — идентичность которой более не основана на стабильной телесности или картезианском дуализме².

Рози Брайдотти развивает данную критику, представляя постчеловека как утвердительную реляционную субъектность, ориентированную не на бытие, а на становление. В работе *The Posthuman* (2013) она подвергает критике бинарную логику гуманистического субъекта и предлагает «номадическую» онтологию, принимающую множественность, гибридность и трансверсальность между видами, системами и дисциплинами³.

Для Брайдотти постчеловеческое состояние представляет собой не дистопическую утрату человечности, а этическую возможность переосмысления субъектности за пределами индивидуалистической и антропоцентрической парадигмы.

Совместно данные мыслители демонтируют фундаментальные основы гуманистической антропологии и предлагают радикально децентрализованную, технологически опосредованную модель субъектности.

Переопределение человеческого открывает концептуальное пространство, в котором устремления трансгуманизма — совершенствование, оптимизация и преодоление биологических ограничений — предстают одновременно как продолжение и как искажение логики постгуманизма. Для рассмотрения данного противоречия необходимо обратиться к трансгуманистическому идеалу и лежащим в его основе антропологическим предпосылкам.

В отличие от постгуманистической критики, стремящейся деконструировать гуманистический субъект, трансгуманизм представляет себя как продолжение — а во многих отношениях и радикализацию — идеалов эпохи Просвещения. Укоренённая в либеральном гуманизме и технооптимизме, философия трансгуманизма выступает за совершенствование человеческих способностей посредством применения передовых технологий. Её центральное положение заключается в том, что человеческая природа не является фиксированной, а представляет собой изменяемую систему, которую возможно и желательно улучшать посредством научного вмешательства.

Мыслители трансгуманизма, такие как Ник Бостром и Макс Мор, отстаивают право на самоизменение — идею, воплощённую в концепции морфологической свободы. Этот принцип поддерживает использование биотехнологий, нейроусиления и искусственного интеллекта для преодоления ограничений, обусловленных биологией, включая старение, болезни и даже саму смертность (More, 2013; Bostrom, 2005)⁴.

² Hayles N. K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 350 p.

³ Braidotti R. *The Posthuman*. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 272 p.

⁴ More M. *The Philosophy of Transhumanism* // More M., Vita-More N. (eds.). *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future*. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 3–17; Bostrom N. *In Defense of Posthuman Dignity* // *Bioethics*. – 2005. – Vol. 19, No. 3. – P. 202–214.

Вместо отказа от категории «человека» трансгуманизм стремится к её совершенствованию, проецируя линейную траекторию развития от *Homo sapiens* к «постчеловеческим» формам, усовершенствованным посредством конвергентных технологий.

Однако антропологическая структура, лежащая в основе трансгуманизма, не лишена противоречий. Несмотря на утверждение индивидуальной автономии и свободы выбора, трансгуманизм зачастую предполагает нормативную модель субъектности — рациональную, ориентированную на собственную выгоду и продуктивность, — отражающую неолиберальные и технократические ценности.

Критики отмечают, что это может привести к социальным и экономическим неравенствам, предоставляя преимущественный доступ к технологиям усовершенствования уже привилегированным группам населения (Fukuyama, 2002; Coeckelbergh, 2013)⁵. Несмотря на риторику освобождения, трансгуманистическое будущее рискует превратиться в технократическую утопию, доступную лишь глобальной элите.

Кроме того, с точки зрения постмодернистской философии трансгуманизм, по существу, подтверждает те самые предпосылки, которые подвергаются деконструкции в постгуманизме. Трансгуманистический субъект остаётся встроенным в инструментальную логику контроля, господства и прогресса — модернистскую метафизику, рассматривающую тело скорее как инструмент оптимизации, чем как переживаемый и ситуативно обусловленный опыт.

В этом смысле трансгуманизм расширяет, а не преодолевает картезианский дуализм и антропоцентризм эпохи Просвещения, подвергаемые критике в постгуманистической мысли.

Данная амбивалентность выявляет более глубокий эпистемологический разрыв между трансгуманистическим совершенствованием и постгуманистическим становлением. Для более полного понимания значения данного расхождения необходимо рассмотреть этические и культурные аспекты, возникающие вследствие трансформации человеческого состояния в условиях конвергентных технологий.

Трансформация человеческой идентичности под влиянием передовых технологий поднимает ряд актуальных этических и культурных вопросов. По мере того как трансгуманистические представления о совершенствовании и оптимизации приобретают всё большее влияние, такие традиционные понятия, как личная автономия, достоинство и моральная ответственность, вступают в напряжённые отношения с возникающими формами технологической агентности и контроля.

В центре данных этических дискуссий находится принцип морфологической свободы — право индивида изменять свои физические и когнитивные способности посредством технологических средств.

Хотя данный принцип часто рассматривается как расширение личной свободы, он порождает сложные моральные дилеммы. Критики утверждают, что нерегулируемое

⁵ Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002. – 256 p; Coeckelbergh M. *Human Being @ Risk: Enhancement, Technology, and the Evaluation of Vulnerability Transformations*. – Dordrecht: Springer, 2013. – 218 p.

совершенствование человека может привести к разрушению общих социальных норм и дальнейшему углублению системного неравенства, поскольку преимуществами передовых технологий смогут воспользоваться лишь экономически привилегированные группы.

Кроме того, коммерциализация человеческого тела может привести к редукции идентичности до уровня настраиваемого продукта, подрывая представления о внутренней ценности личности и общей человеческой природе (Sorgner, 2010; Coeckelbergh, 2013)⁶.

Проблемы выходят за пределы индивидуальной этики и переходят в сферу коллективной ответственности. Такие технологии, как нейроинженерия, интерфейсы «мозг–компьютер» и алгоритмическое принятие решений, поднимают вопросы агентности и ответственности. Когда когнитивные способности усиливаются или дополняются машинами, возникает вопрос: кто несёт ответственность за результаты — человек, машина или оба одновременно? Подобные неопределённости требуют разработки новых этических рамок, учитывающих гибридную природу технологически опосредованной субъектности.

Рози Брайдотти отвечает на данные вызовы, предлагая этику, основанную не на исключительности человека, а на зое-центрическом эгалитаризме (*zoe-centered egalitarianism*) — постгуманистической этике, подчёркивающей взаимозависимость всех форм жизни и противостоящей антропоцентрическим иерархиям. Вместо признания человека моральным центром мироздания Брайдотти предлагает онтологический сдвиг в сторону реляционности, укоренённости и экологической ответственности (Braidotti, 2013)⁷.

Этот подход согласуется с более широкими усилиями постгуманистической мысли, направленными на формирование этических систем, учитывающих нечеловеческую агентность, экологическую взаимосвязанность и разрушение жёстких субъектно-объектных дихотомий.

На культурном уровне репрезентации постчеловека активно распространяются в научной фантастике, цифровых медиа, биоискусстве и массовой культуре. Эти нарративы выступают одновременно зеркалом и лабораторией философской мысли, моделируя сценарии, в которых человек технологически переосмысливается, вытесняется или множественно воспроизводится.

Такие работы, как *A Cyborg Manifesto* Донны Харауэй (1991)⁸, спекулятивные фильмы Алекса Гарленда (*Ex Machina, Annihilation*), а также произведения Уильяма Гибсона и Маргарет Этвуд, предлагают не только художественные образы постчеловека, но и стимулируют размышления об этических и экзистенциальных последствиях человеческой реконфигурации.

⁶ Sorgner, Stefan Lorenz (2010). Beyond Humanism: Reflections on Trans- and Posthumanism. *Journal of Evolution and Technology* 21 (2):1-19.; Coeckelbergh M. *Human Being @ Risk: Enhancement, Technology, and the Evaluation of Vulnerability Transformations*. – Dordrecht: Springer, 2013. – 218 p.

⁷ Braidotti R. *The Posthuman*. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 272 p.

⁸ Haraway, D., *A Cyborg Manifesto*, University of Minnesota Press, pp. 3–90, 2016.

Эти культурные артефакты демонстрируют, что постчеловек представляет собой не только научную или философскую абстракцию, но и переживаемую, а также воображаемую реальность, уже оказывающую влияние на способы осмысления индивидами телесности, идентичности и агентности.

В данном контексте пересечение постгуманистической критики и трансгуманистических амбиций становится противоречивым, но продуктивным пространством для переосмысления будущего философской антропологии.

Сближение трансгуманистических устремлений и постгуманистической критики демонстрирует фундаментальную переориентацию современной философской антропологии. Если трансгуманизм представляет будущее, в котором человек совершенствуется посредством технологий, то постгуманизм ставит под сомнение саму целостность и устойчивость категории человека.

Совместно данные дискурсы вынуждают переосмыслить идентичность, телесность и этическую агентность способами, которые одновременно пересекаются и конфликтуют.

Настоящая статья показала, что постгуманизм, опирающийся на идеи таких мыслителей, как Лиотар, Хейлз и Брайдотти, деконструирует эссенциалистские и антропоцентрические предпосылки гуманизма эпохи Просвещения, предлагая взамен плюралистическую, реляционную и технологически опосредованную модель субъектности.

Трансгуманизм, напротив, стремится сохранить модернистские идеалы контроля, господства и оптимизации, несмотря на расширение границ человеческого состояния.

Напряжённость между данными концептуальными рамками подчёркивает необходимость более тонкого понимания постчеловека — не просто как продукта биотехнологических инноваций, но как философского и культурного конструкта, встроенного в более широкие эпистемологические трансформации.

По мере расширения технологических возможностей возрастает актуальность антропологической рефлексии. Вопросы достоинства, доступа и реляционной этики должны рассматриваться не только в рамках биоэтики или научной политики, но и в контексте более глубоких онтологических вопросов, поднимаемых постгуманистической мыслью.

В этом контексте постчеловек становится не столько конечной целью, сколько концептуальной линзой, через которую можно критически оценивать изменяющиеся границы самости, тела и социальности.

Посредством обращения к философской антропологии постчеловека данное исследование вносит вклад в продолжающиеся попытки теоретизировать человеческое существование в эпоху, всё в большей степени определяемую технологической коэволюцией, эпистемологическим плюрализмом и онтологической гибридностью.

Будущие исследования должны продолжать анализ нормативных предпосылок, заложенных как в пост-, так и в трансгуманистических концепциях, а также стремиться к формированию междисциплинарных подходов, способных учитывать этические, культурные и экзистенциальные последствия технологической реконфигурации человечества.

1. Bostrom N. In Defense of Posthuman Dignity // Bioethics. – 2005. – Vol. 19, No. 3. – P. 202–214.
2. Braidotti R. The Posthuman. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 272 p.
3. Coeckelbergh M. Human Being @ Risk: Enhancement, Technology, and the Evaluation of Vulnerability Transformations. – Dordrecht: Springer, 2013. – 218 p.
4. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002. – 256 p.
5. Haraway D. A Cyborg Manifesto. University of Minnesota Press, pp. 3–90, 2016.
6. Hayles N.K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 350 p.
7. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. — Reprint ed. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. — 110 p. — (Theory and History of Literature; vol. 10). — ISBN 0-8166-1173-4.
8. More M. The Philosophy of Transhumanism // More M., Vita-More N. (eds.). The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 3–17.
9. Sorgner, Stefan Lorenz (2010). Beyond Humanism: Reflections on Trans- and Posthumanism. Journal of Evolution and Technology 21(2):1–19.

INNOVATIVE
ACADEMY